

ЗАРЗМА - СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ

Мы собирались в Зарзму. Я вспомнила, что и Михаил Нестеров, приехавший в Абастумани расписывать храм (правда, было это в феврале 1899 года), на следующий же день по прибытии отправился в Зарзму. «Мне передали, что великий князь Георгий Михайлович предлагает мне сейчас ехать с ним в Зарзму. Я быстро собрался, явился во дворец». Великий князь Георгий Михайлович – знаток истории, родившийся в Грузии, интересовавшийся этими местами и хорошо их знавший – был двоюродным дядей цесаревича Георгия Александровича, жившего в Абастумани по состоянию здоровья, и его постоянным спутником в поездках по окрестностям.

Итак, «... были поданы лошади... и через несколько минут мы уже катили по Абастуману».

Нам же подали опель и вскоре мы, поживаясь от утреннего холодка, мягко выезжали из поселка вдоль реки Оцхе, стиснутой скалистыми горами.

Погода была отличная, до Зарзмы рукой подать – что-то порядка 40 километров – в том же Адигенском районе, что и Абастумани.

И компания была славная: архимандрит отец Максим – настоятель Абастуманского храма, построенного в 1898 году цесаревичем Георгием, «Павлович», душа-человек, всегда готовый возить гостей отца Максима куда угодно, и его маленький внук Илико. (Моя институтская подруга, с которой мы учились в Ленинграде, приехала в Грузию из Мурманска и я повезла ее в Абастумани.)

В Зарзму! - и мы едем в Зарзму. «Когда цесаревич

обходил наш край, – не теряя времени, уже в машине начал свой рассказ священник, – он побывал и в Зарзме. Увидев храм, Георгий Александрович был потрясен его красотой и решил построить такой же в Абастумани, где сам жил. Но точная копия не получилась. Храм Александра Невского по размерам чуть меньше Зарзмы, поэтому его назвали «маленькая Зарзма в Абастумани». А так – все похоже. Да вы сами увидите».

Я впервые попала в Зарзму в 1990-х годах. Мы ездили по Месхети и фотографировали культовые сооружения в рамках одного проекта. Объем работы был большой, сроки сжатые, мы торопились «поймать» природу, погоду и очень спешили. Но в Зарзме вдруг захотелось остановиться. Я почувствовала необыкновенную ауру. Какое-то ощущение концентрированной духовности. Хотелось просто побыть в этой атмосфере спокойствия, гармонии, мира вокруг, который незримо сходил и на твою душу. Уезжала я оттуда с сожалением. Помнится, уходила и все оглядывалась.

А что там было особенного-то? Да ничего. Развалины, полутемная церковь. Ну, вид на Кваблианское ущелье – красивый, да. Да только красот природных у нас в Месхети – на каждом шагу.

Нет, там было нечто особое – намоленность. Выходила я оттуда совершенно замороженной. Возможно, и цесаревич почувствовал это более ста лет назад – современники утверждали: это был тонкой души человек.

Зарзма начиналась в IX веке. В «Житие Серапиона

Зарзмели» (агиографическое сочинение X века) рассказывается, как святому Михаилу Парехели из Кларджети было ночное видение: «отправить в страну Самцхийскую выучеников своих Серапиона и Иоанна», при этом было показано место, на котором они должны были построить монастырь.

После долгих скитаний по горам «какие-то нечестивые люди» остановили их и попытались изгнать. Тогда Серапион показал могущество пославших его сил – совершил чудо: началось землетрясение, скалу прорвало, и хлынула мутная вода, затопив почти все село. «Место до получило соответствующее название Зарзма – от великого страха, объявшего народ».

Найдя место для строительства церкви, Серапион и его брат «заложили основу».

Владыка и хозяин тех мест богатый князь Георгий Чорчанели, встретив монахов, спросил, кто они такие и что делают на его земле?

Серапион ответил ему: «Здесь должен быть монастырь для собирания душ, любящих Бога» и что «такое повеление Божье». Властелин оказался не только богобоязненным, но и щедрым: он пожелал подарить монахам свои угодья. «Пусть завтра, - сказал князь, - с утра до вечера они обходят мое имение и, сколько они сумеют обойти, дарю им...»

▲ Отец Спиридон

С утра монахи начали обходить земли князя, но не успевали к вечеру вернуться. И тут свершилось еще одно чудо: до возвращения в монастырь «солнце стояло на своем месте по слову святого».

По истечении трех лет закончилась постройка церкви, в ней поставили животворящую икону преображения, после стали строить кельи для монахов. Монастырь начал расти, и на пустынном месте появился новый очаг грузинской христианской культуры.

Древнейшая церковь, возведенная зодчим Горбанели в IX столетии, до нас не дошла, сохранились лишь ее руины. На сей день – башенная церковь и несколько молитвенных построек.

Нынешний Зарзмский монастырь построен в начале XIV века, во времена правления князя Бека Мандатуртухуцеси. Он состоит из крестовокупольной церкви и большой колокольни. При его строительстве были использованы камни различной расцветки, что усиливает декоративность фасада. Вы еще не подъехали к монастырю, а разноцветные краски фасада уже издали празднично приветствуют вас.

Фрески, которыми украшены стены церкви, также относятся к началу XIV века.

В 1577 году новые владельцы Зарзмы – князья Хурсидзе – сменили часть старой живописи новой, заделали арки на первом этаже звонницы и превратили ее в церковь Иоанна Евангелиста.

Зарзма была одним из очагов грузинского просветительства. Здесь, например, жили и работали видные книжники Герман Зарзмели и Бенедикт Зарзмели. Их труды, к сожалению, утеряны, но по предположению монахов, следы поисков ведут в один из крупнейших музеев мира – лондонский Британский музей. Настоятель монастыря отец Николай полагает, что именно в Великобритании могут находиться рукописи святых отцов.

Месхетинский край, который мы с Ниной объезжали, имеет сложную историю. Она непростая, противоречивая, и отношение к ней такое же. В силу этого там бытует много мифов.

Один из них тот, что здесь жили турки, их в 1944 году выслали, и, мол, правильно сделали. Почти за 70 лет, прошедших после депортации, советская пропагандистская машина сделала свое дело – большинство населения уверено, что их выслали «за дело»: поскольку рядом была турецкая граница, эти турки всячески вредили советской власти. И жителям края была поставлена задача

▲ Мужской монастырь Зарзма. Интерьер церкви

лечь костыми и не пустить ни одного из них обратно. Что и делается. К любому чужому человеку, появляющемуся в крае, относятся с повышенным вниманием и подозрением. И это вызывает сожаление, потому что портится грузинский характер – по природе доверчивый и открытый.

Не раньше как день назад нам на полном серьезе рассказывали, как во время войны здесь появился «один германский шпион» и спросил турков – они против Сталина? Те ответили – да. И тогда, мол, он снабдил их пулеметами и автоматами. А Сталин, как только узнал об этом, велел выслать их в 24 часа.

Ага, именно так... Можете себе представить? Идет война, граница, так сказать, на замке, вся мужская часть крестьян – на войне, сражается с фашистами. И вдруг откуда-то берется некий «германский шпион», подстрекательница женщин, детей и стариков свергнуть Сталина каким-то чудом подобранным в далекий горный край оружием.

Как говорится в одном тбилисском анекдоте: «Где дом, где Кура?» Где Месхети, а где Москва со Сталиным в Кремле?

Миф примитивный, но он работает. И подробности: «Когда нас сюда привезли, в их домах все оставалось». «Что все?» - спросили мы, думая, что речь идет о продуктах, скоте и хозяйстве, которые при высылке людям не разрешалось забрать с собой.

«Автоматы, пулеметы и гранаты», - авторитетно заявляющие люди, считающие себя хранителями истории края.

И на этом мифе выросло целое поколение.

Правда, его нам рассказывали те люди, которых тоже привезли сюда насильно – из других частей Грузии – Рачи, Имерети – охранять опустевшие земли. «Да кто нас спрашивал! - горестно сообщали. - Наши дома разбились бульдозерами у нас на глазах, а самих насильно привезли сюда». В руках отца народов люди в СССР были просто пешками.

По поводу того, спонтанным ли было выселение в

1944 году? - только один факт. В июле 1944 года первый секретарь Ахалцихского райкома партии Г.Кирвалидзе направил докладную записку в ЦК Компартии Грузии и Совет Народных Комиссаров Грузинской ССР. В ней он привел факты искажения в Месхети грузинских фамилий и национальности месхов-мусульман. Кирвалидзе самолично обошел все села Месхети и с удивлением обнаружил, что месхи-мусульмане знают свои грузинские фамилии, но записаны почему-то «азербайджанцами». Секретарь райкома даже прилагает длинный список этих фамилий. Он просит родную партию «принять срочные меры по восстановлению фамилий и национальностей». Ответом был выговор – не твоего ума это дело, а «партийная линия», сиди и молчи. И спрятали эту докладную так далеко, что она была обнаружена в архивах только в 1989 году. А в это время полным ходом идет подготовка к высылке. Берия переписывается со Сталиным, готовятся железнодорожные составы, разрабатываются маршруты и места спецпоселения, выделяются «госсредства на спецоперацию по переселению». И через четыре месяца после докладной секретаря райкома, уже в ноябре 1944 года 125 тысяч мусульман Месхети, под видом «турок», высылают из Грузии в Среднюю Азию.

Так что все было запланировано, как и все депортации 16 народов СССР. И никакие «германские шпионы» не были тому причиной.

Это хорошо известно тем жителям Месхети, которые счастливо избежали высылки в 1944 году. Как вы догадываетесь, они не были мусульманами. «Они – католики!» – с круглыми глазами говорили о них нам в Абастумани. Неужто это преступление? В их глазах – почти что. Вот уж действительно, как говаривал знакомый ученый: «Все мы – дети очень плохой истории...» Но я бы сказала – просто Истории, которая не бывает плохой или хорошей: история – это то, что происходило.

Однако, в самом деле, вернемся к истории края – до советских времен. Официальный сайт Зарзмского мона-

стыря так повествует о ней:

«Монастыри Юго-Западной Грузии (Самцхе-Саатабаго, Джавахети, Тао-Кларджети-Шавшети) в прошлом являлись мощными очагами грузинской учености. На протяжении веков здесь трудились известные грузинские богословские писатели, переводчики, каллиграфы. В то же время этот край сильно пострадал от иноземных завоевателей. Во второй половине XVIII века он полностью был отторгнут от общегрузинского организма и был подвергнут насильственной исламизации. Почти все епархии прекратили свое существование. В оставшейся без пастырского попечения стране начали проповедовать католические миссионеры. За религиозным смещением последовало этническое смещение. Изменение веры вызвало деление населения на «татаров» (омусульманенных грузин) и «французов» (окатоличенных грузин)».

Вот и прояснение, откуда в крае появились и католики, и мусульмане. Подтверждение этому находится и у царевича Вахушти, описывающего месхов в 1745 году:

«...А мужчины и женщины похожи на картлийцев, но более их тихо и сладко говорящи, статны, энергичны, бесстрашны, прекрасны, знания и искусства любящи, но не теперь, благодаря магометанству; по вере, до 1626 года от Христа ... все были христианами вместе с картлийцами, и составляли паству грузинского католикоса, ныне же мтавары и превосходнейшие суть магометане, а крестьяне – христиане, но в Кларджети и крестьяне большей частью магометане и, кто еще держится христианства, и те остаются без пастыря... и еще продолжают переходить в магометанство, по причине великих притеснений».

В своих «Путевых заметках» (Кавказ. Посховский участок) 1891 года графиня Уварова пишет:

«...Жители всей этой местности (под общим названием Самсхве) исповедуют ныне ислам и принимаются часто за турок, что совершенно ошибочно, так как это чисто грузинское племя, долго остававшееся во владении Турции и принявшее магометанство только в 1626 г.»

Поэтому неудивительно, что и Нестеров в своих мемуарах упоминает Зарзму, как «татарскую деревню». Она, как многие другие села Самцхе-Джавхети, была насильно мусульманизирована.

Однако вернемся к путешествию Нестерова. Итак, они с Георгием Михайловичем – дядей царевича – едут осматривать Зарзму: «По дороге сменялись дивные виды. Великий князь, зная места, пояснял мне их историю, быт и прочее. Часа через два вдали на высокой скале показался великолепный Зарзмский храм. Он стоял среди татарской деревни или аула». Великий князь, оказывается, захватил фотоаппарат (невидаль в то время), и «пожелал снять храм, а также и меня на фоне этого дивного памятника грузинской старины». (Интересно было бы посмотреть сегодня на эти снимки.) А «скоро явились в сопровождении нашего проводника жители аула. Они низкими поклонами и особыми мусульманскими знаками выразили высокому гостю свое уважение, отперли храм».

Исторически все совпадает: Зарзма – православный монастырь (тогда, в 1899 году, недействующий и полуразрушенный), а жители – «татары» (омусульманенные грузины).

Нестеров восхищен: «Перед нами предстало чудо не только архитектурное, но и живописное. Храм весь был покрыт фресками. Они сияли, переливались самоцветными камнями, то синими, то розовыми, то янтарными...» Но тут же сокрушается: «Купол провалился, и середина храма была покрыта снегом. Всмотриваясь внимательно, мы заметили, что и

часть фресок уже погибла. Погибла дивная красота... Побродив по останкам бывшего великолепия, мы вышли на воздух и обошли храм кругом. Он ясно вырисовывался теперь своим темно-красным, запекшейся крови, силуэтом на фоне окрестных гор, покрытых снежной пеленой. Он был такой одинокий, забытый, никому не нужный... К вечеру мы были в Абастумане. За обедом Зарзма была главной темой разговоров».

Представляю себе эту трапезу во дворце – за обедом с царскими особами. Сервированный стол сверкает саксонским фарфором и дятьковским хрусталем, слуги разносят изысканные блюда. Звенят бокалы и серебряные приборы. Но не еда главное. Главная тема – Зарзма. Русский художник поражен шедевром древнегрузинского искусства. Возможно, от волнения он размахивает руками и даже нечаянно смахивает серебряную вилку с дубового стола на паркет... Речь гостя – почтительная, но и горячая. Нестеров уверяет царевича в художественной ценности увиденного: «Ваше высочество! Не-

▲ За изготовлением сувениров

обходимо спасти храм от разрушения! Нужно реставрировать это архитектурное чудо, чтобы оно не погибло окончательно».

Представляю и красивое, породистое лицо Георгия Александровича с тонкой улыбкой на бледных губах – в ответ на взволнованный монолог петербургского художника. Царевич почти ничего не ест, только пощипывает хлеб и касается белоснежной салфетки. Он, как любезный хозяин и воспитанный человек, безмолвно слушает гостя. Хотя надо ли убеждать наследника российского престола в красоте Зарзмской церкви? Он давно ее увидел и полюбил. И разве новый храм, который он построил в Абастумани, а Нестерову предстоит расписывать, не является копией Зарзмы?

И все же – страстная убежденность Нестерова в необходимости восстановления Зарзмского храма передается царевичу, и в своем завещании Георгий Александрович выделяет деньги на его реставрацию. Нестеров пишет в своих воспоминаниях: «Она и была произведена на средства наследника уже после его кончины».

А мы, в свою очередь, сегодня низко кланяемся Михаилу Нестерову за это.

Иначе мы не имели бы счастья лицезреть такое чудо, как Зарзмский монастырь.

Зарзма интересовала меня и по другому поводу. В 1990-х годах я вплотную занималась изучением фамилий

▲ Руины церкви X века. Зарзма

депортированных месхов. Исследуя архивные документы царских переписей всех 180 сел Месхети с мусульманским населением, мне удалось выявить, что в XIX веке там бытовало более тысячи грузинских фамилий. Потом работа эта увидела свет в виде брошюры и мгновенно разошлась.

В ссылке у месхов зачастую отбирали грузинские фамилии. И в поисках своих корней многие приезжали в Грузию. Ко мне как-то обратился уроженец Зарзмы. Пожилой человек утверждал, что у них была грузинская фамилия, но в ссылке их силой записали Дурсуновыми, и фамилия таким образом была утеряна.

Когда их выслали из Зарзмы, ему было всего 10 лет, он помнит, что меж собой их род называли «Мани». Что могло это означать? Он пожимает плечами.

Трудная была задача, никакой зацепки – как звали деда, прадеда... Кого искать в переписях? Некого «Мани»? Там и в помине подобного не было.

Может, он помнит какое-нибудь семейное предание? «А как же! - оживляется Дурсунов, - конечно помню!» И произносит торжественно: «Наши предки имели миссию». «И какую же?» - иронично поинтересовалась я. «Только наш род имел исключительное право охранять Зарзмский монастырь и осуществлять уход за ним».

«Как это? - недоверчиво спросила я. - Мусульмане охраняли христианский храм?»

«Да, представьте себе. Это шло с тех пор, когда наши предки были еще христианами. Ведь мусульманство мы приняли только в XVI веке, а ключи от монастыря хранились в нашем роду всегда и передавались от поколения к поколению. Наша семья ежедневно приводила в порядок двор, церковь, колокольню. Я до сих пор помню этот ключ – тяжелый такой, мне, ребенку, иногда доверяли его подержать...» Он вздохнул и добавил: «А когда в 44-м году нас выселяли, дед взял этот ключ со слезами на глазах и отнес в сельсовет. Что, мол, наш род несколько веков ухаживал за монастырем, а теперь нас выселяют, и мы не сможем выполнять свою миссию. Поэтому я сдаю советской власти этот ключ. Еще просил расписку дать. В сельсовете ничего не поняли – что за миссия, что за ключ? Ключ забрали, а деду сказали – иди-иди, какая еще тебе расписка...»

Это была удивительная история.

Еще не совсем поверив в ее реальность, я все же

взялась за поиски. Надо помнить, что Нестеров в своих воспоминаниях о поездке в Зарзму (в 1899 году) пишет, что жители аула, открывшие им храм, были мусульмане. Значит, у кого-то из жителей действительно хранился этот ключ. Вопрос – у кого?

Поиски вновь привели к «Путевым заметкам» 1891 года графини Уваровой. Рассказывая о Зарзме, графиня отмечает: «Церковь сохраняется и оберегается ныне местным жителем, татаринном Османом Ибрагимовым». Итак, человек найден! Идем дальше, в глубь века.

Камеральные списки 1873 года Тифлисской губернии Ахалцихского уезда. Они сообщают, что в селе Зарзма за номером 2 числится некий Осман Ибрагим оглы 45 лет. Он самый! Еще одно подтверждение! Важно еще то, что этот Осман, оказывается – «полесовщик и караул Зарзмского монастыря». Кажется, пазл складывается. Но самое интересное ждало меня в переписях 1886 года. Во-первых, из них выяснилось, что в селе Зарзма жили «грузины-мусульмане», а не «татары». И у всех жителей Зарзмы были грузинские фамилии! Значит, она должна быть и у нашего караула.

Я принялась искать в списках уже знакомого Османа Ибрагимова. И нашла его! В переписи под номером 4 был Осман Ибрагим оглы 58 лет. И возраст подтверждается: 13 лет назад по переписи 1873 года ему было 45 лет, именно на 13 лет меньше. А самое главное: он носил знатную грузинскую фамилию Турманидзе! Вот так вот иногда благополучно завершаются научные поиски. Радость была отменная... Оттого, что все сошлось, и история оказалась абсолютно достоверной.

Меня, правда, немного смущало прозвание рода – «Мани». Хотя, поразмыслив, я пришла к выводу, что «мани» - это, скорее всего, часть их утерянной фамилии Турманидзе, то, что осталось в памяти поколения.

Таким образом, можно утверждать уже документально: в самом деле, караулом Зарзмского монастыря на протяжении веков была грузинская династия месхов по фамилии Турманидзе.

Жаль, конечно, что сейчас она разбросана по свету и не может выполнять свою высокую миссию – охранять Божий храм.

Итак, мы ехали в Зарзму. И как обещание счастья возникли в далекой дымке очертания храма. Волнение нарастало по мере приближения к нему.

Не успели мы подъехать и войти на ухоженный монастырский двор, как оказались во власти высокого молодого монаха. Он смотрел на нас смеющимися глазами. Было впечатление будто внутри у него ярко горела веселая свечка. Через минуту он рассказывал нам историю монастыря на чистейшем русском языке. По ходу кто-то из монахов окликнул его и он, обернувшись, гортанно ответил по-грузински, давая какие-то хозяйственные поручения.

Контраст был разительный. «Так вы грузин или русский?» - несмело спросили мы, не зная, какие вопросы можно задавать монахам. Он улыбнулся: «По отцу я русский, а мама – грузинка. В миру меня звали Владимир Смирнов (так, кажется). А сейчас я отец Спиридон». И он засмеялся. Так смеются счастливые люди – просто, от ощущения радости жизни. Я решила, что он вроде завхоза и спросила: «А кем вы в монастыре...» - и запнулась. «Кем работаю?» - подхватил отец Спиридон. И вновь засмеялся, сверкнув белоснежной улыбкой из вьющейся бороды. «Мы в монастыре живем, а не работаем, – уже серьезно, но так же доброжелательно и мягко улыбаясь, ответил отец Спиридон. - Монастырь – наш дом. И жизнь монаха – молитва, труд и послушание. А работаю я – добровольно – в сельской школе: преподаю детям русский язык. Наши братья учат в школе детей математике, информатике и английскому».

Такие вот продвинутые монахи.

Дух старины по-прежнему витал над Зарзмой. «Первая церковь была построена в монастыре в девятом столетии, это ее руины. – Отец Спиридон с любовью погладил шершавые камни в центре зеленой лужайки. - А этот каменный крест стоит здесь с одиннадцатого века».

Он рассказал нам о Серапионе Зарзмели, (остановившем солнце), обратил внимание на икону X века, найденную при реставрации. Среди фресок XIV века, которые покрывали стены церкви с пола до потолка, мы увидели росписи правителей Самцхе князей Джакели. В маленькой пещере хранятся кости монахов, которые тут жили и были погребены. Отец Спиридон показал нам нетленное тело древнего монаха, обнаруженное в Ацкури и переданное монастырю. К нему прихожане приходят поклониться, считая его чудодейственным. Затем мы прошли в ювелирную мастерскую, и увидели превосходные изделия в технике перегородчатой эмали, сделанные руками отцов. Показали нам и как в монастыре производят свой ладан. Еще трудолюбивые отшельники сажают картошку, овощи, пекут хлеб, держат пчелиные ульи.

Тут маленький Илико потянул за рукав и шепотом попросился в туалет. Я взяла его за руку и вышла на монастырский двор, который гудел от пчелиного жужжания. «Не бойтесь, они не ужалят», - застенчиво улыбаясь, сказал молоденький монах, указывая дорогу. По двору деловито носились братья в черных рясах. Они как-то умудрялись не поднимать головы и держали глаза долу. Лица у всех были иконописными. Монастырский туалет напомнил мне женевский отель своей чистотой.

На дворе под резной каменной аркадой за столиками сидели молодые монахи и занимались послушанием. Один из них – с римским профилем и рыжеватой вьющейся бородой – наклеивал вырезанные иконки на каменные булыжники. Потом кисточкой тщательно разрисовывал узоры, покрывал черным лаком и ставил готовые сувениры на каменный выступ сушиться.

Другой – в черной шапочке, надвинутой на густые брови, улыбался и, не поднимая глаз, накатывал восковую оболочку на суровые нитки. Крутанул раз – и вот уже это восковая свечка. Рядом с ним лежала горка готовых свечек.

Вскоре нас пригласили в просторную комнату с камином, где отец Максим беседовал с настоятелем монастыря отцом Николаем, у которого было вдумчивое лицо молодого профессора. Им, наверно, было о чем беседовать, двум настоятелям мужских монастырей: вместе они преподавали в Ахалцихской духовной семинарии им. Григория Хандзели при Сафарском монастыре. Мы видели, как неохотно оторвались святые отцы от разговора и настроились на любезный тон гостеприимных хозяев. Столик перед камином моментально был покрыт белоснежной скатертью, и тут же появились свежий пышный хлеб, янтарный мед в глубоких мисках, ароматный чай из родниковой воды. Отказаться от таких яств было невозможно, и мы просто стали уплетать монастырское угощение. Затейливым ручейком потекла беседа, - на разные темы. Братья сидели на почтительном расстоянии и молча внимали нашему разговору.

В конце я отважилась попросить братьев спеть для нас. Помнится, в прошлый приезд не удалось послушать их знаменитое многоголосие – сказали, что второй голос их ансамбля уехал в Ахалцихе за продуктами. А сейчас как? Они засмеялись: нет-нет, отец Андриа здесь. Кли-

▲ Отец Спиридон, Нина, Илико и Клара у креста XI века

нули братьев, они с готовностью прошли с нами в полутемную церковь, освещенную дрожащими огонечками свечей. Потоптались, взглянули на потолок в поисках нужной акустической точки, и запели...

Как только под сводом церкви зазвучали их мощные чистые голоса, тут же мороз пробежал по коже и на глаза навернулись слезы. Когда прозвучала последняя звенящая нота, мы узнали, что эту песню написал Патриарх Грузии Илия Второй.

Выходя, мы вытирали слезы, а отец Максим сказал с улыбкой: вижу, вижу, значит, понравилось...

Смеркалось. Пора было уезжать, но мы оттягивали этот момент: подошли к ограде и еще раз полюбовались зовущим вдаль ущельем, в котором серебряной нитью вилась река Кваблиани. Вокруг веяло тишиной и абсолютным спокойствием.

Мы получили от отцов целую охапку подарков: иконки, диски с песнопениями, календари и милые поделки, сработанные вручную.

Братья вышли с нами к машине, сердечно попрощались, долго махали вслед. Опель мягко тронулся. Мы молчали. Было грустно и радостно – будто мы прикоснулись к чему-то высшему и светлому.

Клара БАРАТАШВИЛИ